

ОТЗЫВ официального оппонента доктора филологических наук по специальности 10.01.03 Литература народов стран зарубежья Головачевой Ирины Владимировны о диссертации Бабкиной Марии Игоревны «РОМАННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОЛДОСА ХАКСЛИ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Диссертационная работа М.И. Бабкиной посвящена исследованию интертекстуальных и интермедиальных схождений произведений англо-американского классика, Олдоса Хаксли, с культурными образцами прошлых веков и с литературой последующих десятилетий, а также автоинтертекстуальных пересечений внутри творчества данного автора.

Диссертация состоит из Введения, трех глав и Заключения. **Актуальность** рецензируемого исследования определяется не только значимостью фигуры Хаксли, но и своеобразным ренессансом хакслеведения, вызванного в том числе и релевантностью прогнозов писателя: перечитывая его главный утопический текст, можно обнаружить, что в какой-то степени «дивный новый мир» уже наступил.

Научная новизна данной работы определяется тем, что ее автор впервые предпринял смелую попытку свести многочисленные контексты, в которых ранее изучалось творчество анализируемого автора, в единое целое, вписав их в широкое интертекстуальное поле. В качестве основного **метода** в данной работе используется метод интертекстуального анализа, предполагающего изучение разного рода межтекстовых взаимодействий, репрезентированных в том числе (но не исключительно) через цитаты, аллюзии, реминисценции и др. Работ, посвященных именно анализу комплекса различных проявлений интертекстуальности применительно ко всему философско-художественному наследию О. Хаксли, до сих пор не было, хотя отдельные источники и сходства с бесчисленными претекстами рассматривались в сотнях работ. Надо заметить, что с данной задачей пытаются справиться с конца прошлого столетия и Международное общество изучения наследия Хаксли (Aldous Huxley Society), охватывающее ученых разных специальностей из многих западных и восточных стран мира. С трудом могу себе представить, каким образом эта коллективная работа может быть завершена.

Олдос Хаксли – фигура опасная для любого критика по причине исключительной и всесторонней образованности этого автора не только в области гуманитаристики, что не редкость среди писателей, но и в биологии, медицине, физике, астрономии, фармакологии, психологии и пр. Невозможно себе представить научный труд о Хаксли, в котором были бы перечислены все его «компетенции» в истории и теории литературы, мировой истории,

истории и теории изобразительных искусств, музыки, философии, религиоведении. Его начитанность, «насмотренность» и «наслышанность» порождают зависть, а нередко и отчаяние. В самом деле, чтобы распознать и адекватно прокомментировать все культурные и научные аллюзии в его текстах, в идеале надо прочитать, увидеть и услышать все, что читал он. Предприятие утопическое. Однако именно к этому стремятся ведущие хакслеvedы, наши современники.

Лавина культурных аллюзий, которую Хаксли обрушивает на читателя и критика, грозит ввергнуть нас в состояние фрагментации. Регистрация аллюзий, увы, не всегда приводит к выводам о том, «что бы это значило», превращая текст в каталог – хоть и увлекательный, но все же перечень. В связи с этим мне представляется весьма продуктивным тот подход, который сформулирован в диссертации М. Бабкиной, а именно: *«Прецедентные тексты позднего творчества Хаксли (вторая половина 1930-х – начало 1940-х годов) дифференцируются, исходя из соответствия его «положительным программам» соответствующих периодов. Прецедентные культурные источники в романах писателя этого времени (в качестве наиболее репрезентативных в этой связи рассмотрены романы «После многих лет умирает лебедь» и «Остров») делятся на 1) подкрепляющие ценностную позицию Хаксли соответствующего периода; 2) в разной степени враждебные ей; 3) нейтральные по отношению к ней; 3) ценностно амбивалентные»* (с. 39).

Безусловным достоинством диссертации является широкий охват материала – М.И. Бабкина включила в исследовательское поле все романы Хаксли. Не стоит, однако, забывать о том, что многие из них сатиры, а «Дивный новый мир» – мениппова сатира. Именно принадлежность к жанру мениппеи делает его комментирование и анализ сверхсложным: автор, избравший данный жанр, жонглирует как научными, так и антинаучными, с его точки зрения, идеями, нарочно «путая карты». Чтобы определить, каково истинное отношение Хаксли к той или иной фигуре, концепции или явлению, критику следует провести археологические раскопки серьезной глубины и масштаба. Хаксли был парадоксалистом и мог одновременно ругать, например, отца психоанализа и писать серьезную статью о достижениях и провалах этого направления психологии. Он восхваляет здания, возведенные Альберти, а несколько дней спустя пишет, что готика и Ренессанс ему претят и что он больше всего ценит барочный Рим. Однозначное определение конкретной аллюзии в текстах Хаксли как указывающей на «ложные» или, напротив, «истинные» ценности вряд ли возможно, как это пытаются сделать диссертантка, в частности, в Главе 1, рассуждая о символике «истинного» и «ложного». Фактически, лишь обнаруживая рассуждения Хаксли на конкретную тему в эссе и письмах, можно с некой уверенностью говорить о тех смыслах, которые он предположительно вкладывал в тот или иной образ. Впрочем, большинство из предложенных Бабкиной интерпретаций не

вызывает серьезных возражений. То же можно сказать и про авторефлексию Хаксли о собственных старых текстах. Приходится учитывать диахронический аспект – со временем его *Weltanschauung* менялся, следовательно, могли меняться и прочтения, что и составляет предмет разговора в Главе 2.

Глава 3 представляется мне самой интересной. Творчество О. Хаксли трактуется в ней как прецедентный текст для романа М. Уэльбека «Элементарные частицы» и для «Трилогии Безумного Адама» М. Этвуд. Таким образом, М.И. Бабкиной удалось сконструировать своего рода модель передачи культурных смыслов, модель, в центре которой находится творческий, во многом цитатный, метод Хаксли, художника, трансформировавшего послания прошлого в послания для будущего и по этой причине его гипертекст – это в своем роде *perpetuum mobile*, вечное семиотическое устройство.

В процессе чтения рецензируемой диссертации у меня возникли **вопросы**, что вполне естественно – ведь М.И. Бабкина старательно избегала очевидных ходов. Ее текст свидетельствует о неподдельном интересе к исследуемой материи и максимальном внимании к сложным переплетениям тем, образов и смыслов. Поиск влияний, источников и сходжений до «изобретения» *интертекстуальности* всегда был одним из главных направлений в литературоведении. Подробное обоснование необходимости такой исследовательской оптики и не менее подробный экскурс в историю вопроса, который проделала диссертантка, думается, несколько избыточны. Что до *интермедиальности*, то об этой теории практически ничего в диссертации не говорится и ссылки на известные штудии в этой области в Списке литературы не обнаруживаются. Почему? Неужели эта сфера исследования оказалась менее важной? А между тем, сам термин «интермедиальность» присутствует даже в названии Главы 1 «*Творчество О. Хаксли в диалоге с мировой культурой: интертекстуальный и интермедиальный аспекты*». Для восполнения данного пробела не требовалось больших усилий. Достаточно было, например, заглянуть в статьи и критические обзоры источников по интермедиальности, опубликованные в журналах «Филологический класс» и «Новое литературное обозрение».

Следующий вопрос касается «*автоинтертекстуальности*». Из текста диссертации следует, что Бабкина имеет в виду не столько самоцитирование, сколько авторефлексию Хаксли по поводу собственных художественных произведений в некоторых его письмах, трактатах, эссе. Возникает вопрос: всякая ли авторефлексия о своих текстах является автоинтертекстуальностью? Если ответ отрицательный, то данный термин, по всей видимости, требует уточнения. Но не лучше ли было обойтись без данного новообразования?

В Главе 2 диссертации подробно и весьма убедительно анализируются интертекстуальные нити, связывающие «Дивный новый мир» (1931) с предшествующими и последующими текстами Хаксли. Несмотря на обилие публикаций, в том числе новейших монографий об этом романе, «взгляду назад» Хаксли на собственный шедевр, точнее эволюции его саморефлексии, отводилось не так много внимания. Эта глава прекрасно дополняет предшествующие хакслеведческие работы. Бабкина безоговорочно квалифицирует этот роман как *антиутопический текст*, не проясняя, однако, что она сама подразумевает под «антиутопией». А между тем, этот жанровый вопрос вызван отнюдь не праздным интересом. Дело в том, что сам Хаксли данный термин не использовал. Устоявшееся у широкой публики определение «антиутопии», якобы одинаково пригодное как для текста Хаксли, так и для романа Оруэлла «1984», не может не вызывать возражений. Такие классики фантастического жанра, как П. Парриндер, Л.Т. Сарджент и Д. Сувин, потратили много лет и много сотен страниц на классификацию утопических жанров и продолжают ее уточнять. На какое из жанровых определений «антиутопии» опирается диссертантка?

От вопросов перейду к **замечаниям**:

1. В автореферате сказано, что в данной диссертации письма Хаксли впервые рассматриваются как релевантный ключ к важным смыслам его произведений. Однако данное утверждение не соответствует фактам. Письма Хаксли давно рассматриваются как автокомментарий и служат решению именно этой задаче почти в каждой серьезной монографии об этом авторе (среди прочих Головачева 2008, Головачева 2017), не говоря уже о том, что к его эпистолярному наследию обращаются авторы статей в каждом из 22 выпусков *Aldous Huxley Annual*. Собрание писем (ed. Grover Smith), на которое опирается диссертантка, не единственное. Есть и другое, гораздо более свежее: *Selected Letters of Aldous Huxley* под редакцией Джеймса Секстона.
2. Библиографический список диссертации производит впечатление необходимого и достаточного, насчитывая 219 источников. Однако несколько обескураживает отсутствие в списке многотомного собрания эссе Олдоса Хаксли под редакцией Роберта Бейкера и Джеймса Секстона. Эту коллекцию первоисточников нельзя не учитывать.
3. Думается, библиография диссертации должна содержать не только статьи последних десятилетий (они там есть!), но и монографии -- например, Рейчела Рейффа, Джеймса Халла, Джереми Мекьера, Даны Соьера, Николаса Мюррея, Рональда Зиглера, Джейка Поллера и др.
4. Следующее замечание касается лексики. А) Так, странным выбором представляется слово «аналитик» (с. 12) как синоним «критика». Разве «аналитик» не приобрел в русском языке жестких ассоциаций со сферой менеджмента, безопасности и политтехнологий? Б) Нет в

русском языке и таких словосочетаний, как «обездушевленная реальность» и «ценностная целостность». В) Странным представляется и словосочетание «цитатность сознания героя». Г) Целый раздел диссертации выстроен вокруг феномена, неуклюже названного «бывший автобиографический герой». И хотя понятно, что именно хотела выразить диссертантка – ее наблюдения и остроумны, и справедливы – но, думаю, стоило добиться большей адекватности выражения.

5. Целый ряд иностранных имен собственных переданы на русский с ошибками (фонетическими и даже гендерными). Больше всего досталось нашим с диссертанткой западным коллегам по хакслеведению. Так, «П. Баверинг» (Bowering P.) на самом деле БОУРИНГ, «Дж. Нанке» (G. Nance) – это ГУИНЕВЕРА НАНСИ, П. Фиршоу (Firshow P.) – это ФИРЧОУ. Фамилия этого выдающегося ученого Firchow -- напечатана с ошибкой и в списке литературы к диссертации. «Ира Грушоу» (I. Grushow) – это мужчина по имени АЙРА. «Джерома» Мекьера зовут ДЖЕРЕМИ. И, наконец, Хайке Сигер (H. Siger) – немецкая исследовательница, а значит, надо ссылаться не на «Сигера», а на ЗИГЕР. И, наконец, знаменитого религиозного философа Кришнамурти звали не «Джудди» (по аналогии с Джуди Денч), а ДЖИДДУ.

Высказанные замечания и вопросы, разумеется, ни в коей мере не сказались на моей положительной оценке основательного труда М.И. Бабкиной.

Опубликованные М.И. Бабкиной материалы по теме исследования и автореферат соответствуют содержанию диссертации и полностью отражают ее ключевые положения. Диссертационное исследование «РОМАННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОЛДОСА ХАКСЛИ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ» соответствует паспорту специальности 5.9.2. Литературы народов мира, отвечает требованиям пунктов 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013), а его автор Мария Игоревна Бабкина заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира.

Официальный оппонент,

Головачева Ирина Владимировна
доктор филологических наук,
профессор кафедры сопоставительного изучения языков и культур
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования

Санкт-Петербургский государственный университет

научное звание: доцент

25 декабря 2023 г.

Заместитель начальника
Управления кадров в ГУОР

Холмутская 7. И .

25.12.2023

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации и их дальнейшей обработки, не возражаю.

25 декабря 2023 г.

Контактная информация:

199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9/11
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»,
кафедры сопоставительного изучения языков и культур

Тел.: +7 (812) 320-07-29 E-mail: i.golovacheva@spbu.ru

С научными публикациями И.В. Головачевой можно ознакомиться по адресам: elibrary.ru и <https://pureportal.spbu.ru/>

ПОДПИСЬ РУКИ

Головачева И.В.

УДОСТОВЕРЯЮ

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА

КАДРОВ №4

М.С. ЗУБОВА

25.12.2023

